

Таким образом, разноуровневая (внутришкольная и региональная) подготовка педагогических кадров к формированию у молодежи культуры межнационального общения будет способствовать принятию адекватных педагогических решений.

ЧЕЛОВЕК В УНИВЕРСИТЕТСКОМ ГОРОДЕ: ПРОБЛЕМА САМОИДЕНТИФИКАЦИИ

С.А. Голубков

Самарский государственный университет

Город выступает своеобразной идеологемой цивилизации. Это концентрат всего, что на данном витке своего развития может предложить цивилизация. В городском континууме спрессованы столетия, эпохи, судьбы. В одном и том же городе сосуществуют целые миры, порой совершенно ничего не знающие друг о друге (мир дворцовых интриг, мир науки, мир богемы, мир торговли, преступный мир...). Будучи самодостаточным целым, город имеет свой набор ценностей подлинных и мнимых, свою шкалу их измерения. Находясь в окружении первозданных пространств, еще недостаточно освоенных цивилизацией, город представляет собой удивительную «мельницу», перерабатывающую природу в культуру. Порой город приобретает весьма выразительную функцию метонимического образа государства. Взглянув на такой город, мы вспоминаем про «железную пяту государства». Андрей Белый писал про Петербург, как про «точку, откуда исходит циркуляр».

В русской литературе многообразно отразилось прежде всего социально-бытовое измерение города. Осваивая семиотическое пространство Москвы, писатели отражали движение города от средневековой столицы к «порфиноносной вдове» в послепетровскую эпоху и снова к столице в советское время. Можно говорить о смыслоемких парадоксах самого исторического бытия города и художественного

освоения данной образной модели. Так, в восприятии А. Грибоедова Москва выступает прежде всего как пространство «молвы». Много картин красочного московского быта оставил неутомимый репортер начала двадцатого столетия Владимир Гиляровский. Образ Москвы как «утраченного рая» беспечального детства в идиллическом эмоциональном ключе создавал Иван Шмелев в своей ностальгически-пронзительной повести «Лето Господне». Двойному взгляду героя и повествователя предстают пространство дома, городских улиц и церкви как три круга бытия маленького героя. Можно достаточно долго говорить о Москве, художнически освоенной М. Булгаковым и С. Кржижановским. Киевское детство, юность и переезд в Москву рифмуют их судьбы. В их сознании город воспринимался как еще непрочитанная книга, страницы которой так соблазнительно перевернуть и погрузиться в чтение. По крайней мере, С.Д. Кржижановский не зря искаживал долгими часами бесконечные московские улицы. В его очерках, составивших книгу «Штемпель: Москва», видны следы этого настойчивого постижения города. Москва как «время и место» активно функционирует в прозе Ю. Трифонова. Устойчивые московские мотивы выразительно характеризуют поэзию М. Цветаевой, А. Вознесенского, Б. Окуджавы и В. Высоцкого.

Можно говорить об эволюции другого «столичного текста» – петербургского – в русской литературе. Город являет писателям разные лики. То служит немалым испытанием в жизни героя. Петербургские наводнения в зеркале литературы – это отдельная тема. Но и дробление человека на составляющие, сведение человека к сумме элементарных социальных функций – это тоже испытание. Петербург оказывается зоной отчуждения. Да, это подчеркнуто «западный» город. Столичный город. Не такой, как все. Другая функция. Другой климат. Другая природа. Другая география. Наглядный образ берега, края. Наглядная дистанция между Петербургом и остальным российским миром. Петербург Блока, А. Белого, К. Вагинова. Метафизика смерти. Утрата исторической роли, столичного статуса. Мотив исчезновения. Город как пространство одиночества. Ранимость личности и агрес-

сивность толпы. Городское многолюдье – иллюзия слиянности, единения. Механическое множество.

Но в русской литературе относительно мало писалось об этих и других университетских городах как городах университетских. (Исключение составляют книги, подобные мемуарной трилогии Андрея Белого). Может быть, это происходило от того, что жизнь столичного города не сводится только к жизни университетской. У столицы много функций, много забот, типология политических, социальных, экономических, культурных связей с государством и со всем миром многообразна.

Отметим, что университетский город – это особый мир. Мир с известными степенями свободы. Мир неготового знания, постоянного поиска, пульсирующей мысли. Мир, изначально враждебный чиновничьему произволу, диктату плоского консерватизма. Здесь циркуляр, созданный узким умом недалекого чиновника, может быть подвергнут сомнению, а то и насмешке. Университетский город в старой России нередко понимался как опасный для власти город. Не случайно в 1890-е годы Самара именно как неуниверситетский город стала местом так называемой «ближней ссылки». Ссылные люди в университетском городе – это нежелательные «дрожжи». Ведь в университетском городе всегда есть благодатная интеллектуальная почва, попав в которую, семена крамолы могут дать всходы.

Среди огромного количества различных образовательных учреждений, учебных заведений настоящий классический университет выгодно выделяется тем, что дает фундаментальное универсальное знание и воспитывает уникального человека. На первом плане не тиражирование известного, а возвращение уникального, неповторимого. И в первую голову уникальной способности постоянно учиться, выдвигать новые цели самообразования. Такое возвращение дает долгосрочный эффект.

Человек рассматривается как персональный Культурный Мир. Университет формирует интеллект. Конечно, можно задуматься – с какой целью? Ведь деятельность не может осуществляться без целе-

полагания, без осознания вектора приложения сил. Интеллект может быть инструментом наиболее полного удовлетворения и даже усиления эгоизма (новые технологии на службе прихотей). Но интеллект же может стать эффективным инструментом преодоления такого эгоизма, может породить определенные и этику, и технологии самоограничения. Особенно в том случае, когда будут осознаны реальные масштабы нарушения равновесия планетарной экосистемы.

Университетский город в целом и университет в частности должны бросать вызов диктату современной цивилизации, все усредняющему и опошляющему. Софья Губайдуллина в одном из интервью сказала с тревогой: «Цивилизация съедает культуру». Мысль, разумеется, не новая. Еще О. Шпенглер разделял эти два понятия и отношения между ними определял как конфликтные. В самом деле, цивилизация создает возможности радикального улучшения среды окружающей по отношению к человеку, его внешнего пространства, бытового (в широком смысле этого слова) комфорта. Культура же нацелена на улучшение внутреннего пространства Личности. Массовая литература тесно связана с процессом экспансии цивилизации. Культура создает неповторимое, творит величайшие образцы в единственном числе. Цивилизация включает механизм тиражирования, причем тотального тиражирования (включая, скажем, в литературе, отдельные литературные приемы).

Для России актуальна еще и проблема изживания своеобразного «комплекса городской неполноценности». Чем, как не этим может быть объяснена маргинальная самоидентификация по отношению к собственно «городу», «городской Европе»? Огромное пространство России до Урала географически вполне «законно» принадлежит Европе как континенту, но мы привычно, говоря о Европе, имеем в виду лишь территорию к западу от Праги. Мы как бы стесняемся назвать себя Европой. (И это в общем-то объяснимо, если задуматься о качестве городского повседневного существования).

Точно так же еще в не столь уж далекие 1960-1970-е годы рядовой самарский обитатель улиц Новосадовой или Осипенко мог со-

вершенно серьезно сказать: «Я поехал в город». «В город», то есть на Ленинградскую, Куйбышевскую улицы, где располагались центральные магазины и где находился исторический центр города. И дело даже не в умозрительном статусе исторического центра, а именно в этом «всамделишно» городском (не побоимся сказать, пусть и с оговорками, – европейском) обличи этих улиц – первый этаж каждого дома был отведен под тот или иной магазин, ателье, почтовое отделение, ремонтную мастерскую, пункт проката, кафе, ресторан или кинотеатр. Такое скопление нужных каждому человеку торговых и развлекательных заведений в удобной уплотненности, в какой-то уютной тесноте – явление редкое в тогдашних городах, где, чем дальше от центра, тем дальше отстоят друг от друга названные объекты. Отнюдь не случайно ведь появилось обезличивающее название – «спальные микрорайоны». Там, действительно, не совсем город, там что-то принципиально другое. Зона проживания. Территория застройки. Адрес прописки. Не более того.

В самом деле, город – это пространство комфортного Обитания (напишем с большой буквы!), где в прямом смысле этого слова часами можно просто беспечно «жить» на улице – сидеть в открытом кафе за чашечкой кофе или порцией мороженого, читать газету на лавочке у фонтана, совершать неторопливый шопинг по местным магазинчикам, дожидаться в беседе с приятелем нужного киносеанса, разглядывать разноликую публику, фланирующую по улицам в отпуском безделье. И тогда город, приобретая такое «человеческое измерение», становится «праздником, который всегда с тобой», как писал Хемингуэй о Париже.

Сегодняшняя Самара – это, конечно, не унылый Куйбышев 1960-х, она приобретает черты подлинного города. Сотни магазинов, кафе, сервисных служб, десятки фонтанов, новые площади – все это говорит о том, что мы живем и в другое время, и в другом городе. Но это только начало. Нам предстоит пройти долгий путь к высоким мировым стандартам городской жизни.

Город – это пространство, заполненное (или можно даже сказать, заставленное) предметами искусственного происхождения, рукотворными – здания, дороги, мосты, лестницы, тумбы для объявлений, фонарные столбы, скамейки, стеклянные загончики остановок, мусорные урны, автомобили, трамваи, автобусы, велосипеды, тележки, образцы товаров у магазинов, ограды, памятники, указатели, знаки уличного движения и т. д., и т. д. Ничто не напоминает человеку о природной колыбели. Небо разбивается на осколки и видно то здесь, то там в просвете улиц, через сетку проводов, между красочными заплатками рекламных щитов. Даже в ясную безоблачную ночь звезды «гаснут» в небе над городом, не будучи в состоянии соперничать с уличными фонарями, с сияющим многоглазьем сотен и тысяч окон, с броской световой рекламой. Городской житель как будто забывает о существовании россыпи созвездий и далеких миров, мерцающих в переменчивом земном воздухе. Поле обзора городского жителя ограничено стенами домов, заборами и теряет неопределенность морской или степной дали. Предметный мир города не допускает пропусков. Дома стоят вплотную друг к другу, поток машин кажется бесконечным. Природа, «допущенная» в город в виде маленького пропыленного скверика или более или менее просторного регулярного парка, похожа на робкого мужичка, застенчившегося своих старых валенок, отразившихся в зеркальном паркете роскошного дворца. Правда, природа порой напоминает о своей буйной самостийности и стихийности где-нибудь на большом городском пустыре, до которого еще, как говорится, «не дошли руки» местных творцов урбанистической среды.

Человек может стать «винтиком» городской жизни. Предметный мир города опредмечивает и самого человека, превращает его в приложение к той или иной вещи – трамваю, троллейбусу (человек является здесь лишь в одной социальной функции – пассажира), магазину, рынку (покупатель), поликлинике (пациент), банковскому учреждению (клиент) и т. д. В многомерной жизни мегаполиса человек распадается на отдельные элементарные ипостаси, составляющие его личностный мир. Причем, выбираются именно наиболее простые,

очевидные ипостаси, чтобы система городской жизни работала. Становясь пассажиром, покупателем, клиентом, посетителем, соседом, автовладельцем или домовладельцем, человек подпадает под действие вполне конкретных правил социального поведения, которыми отрегулирована каждая ячейка каждодневного существования огромного мегаполиса.

Отмечая широкую распространенность в больших мегаполисах поверхностных и кратковременных контактов между людьми, американский футуролог Элвин Тоффлер в своей знаменитой книге «Шок будущего» писал: «Мы применяем модульный принцип к человеческим отношениям. Тем самым мы создаем личность, подобную предметам одноразового использования: Модульного Человека. Мы не воспринимаем человека в целом, а включаемся, как вилка в розетку, в один из модулей его личности. Каждая личность может быть представлена как некая уникальная конфигурация из тысяч таких модулей. Таким образом, никакой индивид не может быть заменен каким-либо другим, если рассматривать личность в целом, а не ее отдельные модули».

Предметный мир города «овнешняет» человека. «Периодическая система элементов» городской жизни не имеет никакого отношения к человеку по-платоновски «сокровенному» – человеку рефлектирующему, испытавшему миг вдохновения, момент внутреннего озарения, пережившему драму непонимания, высокий восторг любви. Внутренний мир обитателя города остается в непроницаемой капсуле. Намечая «рамочные условия» социального договора, устанавливая внешние поведенческие нормы и границы, город оставляет человека наедине с самим собой. Для самодостаточного человека, живущего интенсивной умственной жизнью, это благо, это возможность самому «обустраивать» свое уединение или придирчиво выбирать людей, необходимых для плодотворного общения. Человек образованный, вынужденно мирясь с городской толчеей, суетой, шумом, транспортными пробками, видит в городе прежде всего «окно в Культуру». В городских реалиях каждодневно он обнаруживает знаки этого присут-

ствия Большой Культуры, широко распахнутой в по-российски непредсказуемое прошлое и в не менее загадочное будущее. Случайно замеченная книжная обложка в магазинной витрине, афиша театральных гастролей, эстетическая завершенность и архитектурная целостность городского здания, мемориальная доска на старинном доме, старинное наименование улицы, случайно услышанная мелодия – все будет говорить такому человеку об огромном пространстве культурных ценностей, очевидных и неочевидных, способных породить поток продуктивных ассоциаций и размышлений.

Духовно наполненное гуманитарное пространство – а это и сфера искусства, и университетская среда, и сообщество свободных интеллектуалов, и чудаковатые альтруисты и подвижники – может создать ткань духовного существования, которая при всей ее невидимости и невесомости оказывается чрезвычайно значимой, ибо позволяет увидеть в человеке человека, сложного, неделимого, потенциально богатого еще невысказанным. Обретение взгляда на человека как на многомерный персональный мир в таком пространстве становится гарантом спасения личности от суетной «тирании мелочей» городской жизни. Для иного типа человека – человека с элементарным «роевым инстинктом», иждивенчески нуждающегося лишь во внешних регуляторах собственной жизни, этот герметизм житейской капсулы горожанина выглядит своеобразным злом – городское многолюдство лишь усиливает чувство сиротства, оставленности, неприкаянности. Помочь человеку обрести взгляд на себя как на многомерный персональный мир, взгляд на других как на сонмище таких же огромных миров – вот главная задача университета и его насущная обязанность по отношению к городскому социуму.

Университет пока не стал в полную меру интенсивным, высокоэффективным и прибыльным интеллектуальным производством. Но вполне может им стать. Еще в 1970 году Пол Диксон написал книгу «Фабрики мысли» о разворачивании так называемого «интеллектуального производства» в США. Речь шла о многочисленных научных фирмах, лабораториях, аналитических группах, институтах, которые

создавали чисто научный продукт – проводили исследование, итогом которого становился научный отчет. Результаты исследования внедряли уже другие организации – крупные компании, корпорации. Заказчиком могли выступить и органы общенациональной или местной власти. Ученые отвечали за качество предлагаемых идей, за доказанность открытия. Заказчики же, хорошо оплачивая предоставленные им интеллектуальные услуги, распоряжались этими идеями по своему усмотрению – либо внедряли сразу, либо откладывали на какое-то время. Со времени написания книги прошло почти сорок лет, но процесс формирования «фабрик мысли», оперативно отвечающих на запросы быстротекущего времени, отнюдь не стал кратковременной данью какой-нибудь изменчивой моде, а многократно усилился. Только в одном калифорнийском Сан-Диего более 800 медико-биологических научных фирм, лабораторий, институтов. А ведь еще есть знаменитая Силиконовая долина в окрестностях Сан-Хосе – почти фантастический мир нацеленных на будущее технологических компаний, царство гигантской корпорации «Интел»... Да, собственно, и вся Калифорния – это огромный многофункциональный питомник, где бережливо следят за всходами научной мысли, от парадоксальных поворотов которой, возможно, зависит технологическая картина грядущего мира.

Мне хотелось бы завершить статью перечнем неизбежно возникающих вопросов, которые мы, наверное, должны держать в своем сознании и размышлять над ответами на них:

Меняет ли урбанизация свои формы? Накладывает ли свой отпечаток на этот процесс современная информационная эпоха?

Что такое мышление современного горожанина, да и горожанина вообще? Выработано ли у наших жителей собственно городское сознание? Как влияет на становление такого менталитета историческая традиция?

В каждом городе всегда доминируют те или иные основополагающие функции. Есть города, возникающие возле завода. Есть города университетские. Есть города, в которых первостепенна функция определенного административного центра. Есть портовые города.

Есть закрытые города, подчиненные задачам военным, стратегическим. Что в большей степени характеризует нашу Самару? Есть ли в нашем городе та или иная доминанта?

К чему должен быть постоянно готов житель большого современного города: к сиротству в многолюдной толпе? к желанному уединению в так называемых «очагах культуры»? к содержательному общению с единомышленниками?

Что такое дух университетского города? Есть ли в том или ином городе узнаваемая духовная атмосфера, отличающая его от других?

РОЛЬ ПОЛИПАРАДИГМАЛЬНОГО ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО ПОДХОДА В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКЕ ФИЛОЛОГОВ

Н.А. Илюхина

Самарский государственный университет

Научное развитие в современных условиях, как известно, характеризуется ускорением: смена научно-теоретических, методологических парадигм происходит гораздо быстрее, чем несколько десятилетий назад. Другой отличительной особенностью переживаемого периода считается сосуществование и интенсивное взаимодействие разных научных направлений не только в мировой, но и в отечественной лингвистике; среди них – традиционные и новейшие. В рамках каждого направления работает множество научных школ, в том числе широко признанных. Кроме того, современная научная ситуация определяется экспансией лингвистики в другие, далеко не только смежные, области научного знания: в когнитологию, социологию, психологию, педагогику и т. д.

В этих условиях возрастает необходимость вносить коррективы в учебные планы филологической специальности, в рабочие программы дисциплин лингвистического цикла. Принципиально важным в про-